

ПРИНЦ ЗАПРЕТОВ

Мэрилин Маркс

Marilyn Marks

PRINCE OF
PROHIBITION

Мэрилин Маркс

ПРИНЦ
ЗАПРЕТОВ

*Посвящается моей милой Мелиссе, которая
в прошлой жизни, вне всяких сомнений, была
одной из сногшибательных красоток-флэпперов.
Бесконечно тебя люблю*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Иерофант

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАША СЕМЬЯ — семья Колтонов — слыла странной. Пока я была маленькой и каждый вечер вприпрыжку спешила с папой к реке, то не задумывалась об этом. Брала с собой соль, а Томми устраивался на крыльце с ружьем на коленях и внимательно следил за темнеющей кромкой леса. Но все изменилось, когда мне исполнилось шесть, — тогда я и рассказала папе про огоньки.

— Красивые, правда? — однажды спросила я и помахала голубому светящемуся шарику, гладкому на вид, будто бы шелковому, — он подпрыгивал и кружился на ветру.

Томми и папа переглянулись. Взгляд у брата стал многозначительным, сразу почувствовалось, что он на девять лет старше меня и знает об этом мире гораздо больше. После того дня Томми не отходил от нас ни на шаг во время вечерних прогулок, а дуло его ружья, заряженного стальными пулями, отныне всегда грозно смотрело в сторону реки.

Но это было в порядке вещей — все равно что пойти в церковь в воскресенье или выпить чашечку кофе с утра. В нашей семье царили любовь и мир, мы жили дружно, точно три горошинки в одном счастливом стручке, и ничем не отличались от других трудяг-фермеров, возделывавших свои поля близ городка Фэйрвиль, штат Джорджия, истых христиан, как и все местные. Вот только мы не ходили в церковь и не прославляли Господа, а оставались верны своим тра-

дициям. Своим ритуалам. Как-то раз я спросила папу, почему мы не поем молитвы Богу, как все остальные.

— Потому что за нами придет не Господь, — ответил он, — а дьявол.

Я не сомневалась в его словах. Когда твой папа говорит тебе подобное, да и вообще хоть что-то рассказывает, ты не думаешь: «А не лукавит ли он, часом?» — а просто ловишь каждое слово. По вечерам я ходила с ним к реке. Когда в небе появлялась сверкающая луна, а цикады затягивали в траве свои кантаты, я тихонько бормотала начало папиной песни: *Мы спускаемся к реке, к озеру да к болоту...*

Я делала на земле круг из соли. Папа завершал ритуал. *К ясеню да к туману полночному...*

Так мы и продолжали. Мы плясали, молились, сыпали соль вдоль рек, окружавших нашу землю. У Томми были при себе стальные пули, а у меня на шее висел железный крест. Здесь, на нашей земле, защищенной нашей собственной литургией и знанием, которое нам передал папа, бояться было нечего. А знание это таилось в песне, которую мы пели. Папа сочинил ее сам.

В то лето, когда мне исполнилось восемь, я попыталась разузнать, почему мы каждый раз ее поем. Мы втроем сидели на крыльце. Папа попивал виски, брат — чай, а я играла у их ног деревянной лошадкой, которую выстругал Томми, — возила ею по затертым половицам. Папа и Томми обменялись тем священным взглядом, который у меня никак не получалось понять. Не обращая на них внимания, я опустила взгляд к реке, бегущей вниз, у подножия холма. С того берега мне помахала женщина с белой кожей, похожей на бересту.

Отец схватил меня за руку, пригладил мне волосы. Я тут же отвлеклась от диковинного создания.

— Однажды ты услышишь, Аделина. И все поймешь. Когда дьявол убивает святых, он неспешен.

Это была папина любимая строчка, ею заканчивался каждый куплет его особенной песни. Ее же он вспоминал всякий раз, когда я спрашивала, почему мне нельзя ходить в школу. Или почему мы ни разу не переходили мост через скованные железом реки, окружавшие нашу землю. Почему из всех людей мне разрешено говорить лишь с папой и Томми, даже если к нам приходят покупатели, которым мы распродаем урожай. Почему моя мама умерла, а я выжила и сделала свой первый вздох, когда она испустила последний. Ответ всегда был одинаковым, его смысл от меня ускользал, но такова была папина правда, а значит, и моя.

— А наш папа святой? — шепнула я на ухо Томми спустя несколько лет.

Когда я задала этот вопрос, мне было десять, и я была худенькая, как спичка, и пугливая, словно мышка. Томми обнял меня и ткнул пальцем в строчку на поблекших страницах собрания сочинений лорда Теннисона. В школу я так и не пошла, и в настоящей церкви мы тоже ни разу не бывали, поэтому учили меня дома. Томми любил книги о войне, а я поэзию, и вот мы нашли компромисс. Из мрака папиной спальни дальше по коридору доносились тихие гитарные аккорды.

— Нет, это ты святая, — ответил он так буднично, точно рассказывал о погоде, и прервал мои расспросы, вновь указав на «Атаку легкой бригады»*.

---

* Стихотворение британского поэта-лауреата Альфреда Теннисона, написанное в 1854 году. Посвящено сражению под Балаклавой времен Крымской войны (*здесь и далее примечания переводчика*).

— А по-моему, папа, — упрямствовала я. — Вот почему он боится медленной смерти.

Рука брата, лежащая на моих плечах, застыла, стала твердой, будто кожаный переплет у него под пальцами. А потом он произнес так тихо и зловеще, что я до сих пор гадаю, уж не почудилось ли мне:

— Святые душой не торгуют, крошка.

Эти слова не тревожили меня, пока мне не исполнилось одиннадцать.

Стоял 1917 год. Пускай война и не добралась до наших границ, газеты трубили о ней каждый день. В них упоминались края, о которых я, жительница джорджианского захолустья, даже и не слыхала. Да, у нас водились книги, но я почти ничего не знала о Уэльсе, Бельгии, Германии или о французских лесах, где погибло столько людей. В тот же год папа впервые стал брать меня в город. Я ненавидела эти вылазки, потому что всякий раз он заставлял меня вывернуть одежду наизнанку и повязать колокольчики на лодыжки. Хуже того — горожане пялились на нас. И перешептывались. Меж пересудами о том, до чего же мы странные, как я похожа на сатанинскую дочь в этом своем наряде и что папа славословит владыку бесовского, они делились страхами о войне. Говорили, что скоро в нее вступит Америка, а не то немцы явятся и всех перебьют.

Тогда немцы были моим главным страхом. Они могли бы потягаться с самим дьяволом. Детишки, игравшие в центре города, больше не вспоминали историй из апшалачского фольклора и не боялись, что их отправят в ад за то, что они не чистят зубы. В 1917-м все боялись только немцев. Все, кроме моего брата.

В день, когда Томми пришла повестка, я плакала, пока небо не потемнело. Но и тогда не успокои-

лась, проревев до самого утра. А Томми не боялся. Он твердил, что все будет хорошо. Что он, черт его дери — здесь он извинялся за грубость, — обязательно вернется домой! Когда война закончится, он первым же делом меня обнимет — так крепко, как никогда прежде, — и на солдатское жалованье купит мне те белые туфельки, которые я заприметила в городе, а потом мы обязательно дочитаем нашу книжку. Там осталось всего шесть стихотворений. Треклятые фрицы не смогут нам помешать!

В апреле мы втроем уже стояли в центре города и смотрели, как лошади поднимают столбы пыли у колодца. С шахт вернулась группка мальчиков с усталыми, перепачканными углем и сажей лицами. Они вымыли руки в ведрах и только потом зашли в здание школы. Там их ждали послеобеденные уроки. В окне каждого магазинчика и даже таверны, рассадника порока, который набожные дамы вечно пытались закрыть, виднелся американский флаг. С нами пришло еще четыре семьи — тоже попрощаться со своими новобранцами. Томми пожал руки новым товарищам, и они тут же разговорились, то и дело отпуская смешки, будто бы нас никогда не считали исчадиями ада. Новый враг оказался куда страшнее наших языческих наклонностей. Потом к нам подъехал грузовик, в котором сидела еще одна группа молодых бойцов в зеленой форме, сложив на коленях оружие. И вот Томми уехал, забрав с собой половинку всего известного мне мира.

Мы получали от него письма. Сперва даже часто. Я убедила папу заказать наш семейный портрет. Фотограф запретил нам улыбаться и пригрозил, что сидеть перед камерой придется так долго, что лицо может заболеть, а я все время, пока мы позировали, пыталась унять дрожь в губах. Потом я стала по-

могать папе собирать календулу и ивовую кору для аптекаря. На скопленные деньги удалось отправить потрепанное собрание сочинений Теннисона в батальон Томми, квартировавший во Франции. Я приклеила на заднюю сторону обложки книги наш с папой портрет и добавила записку, в которой пообещала, что, когда Томми вернется домой, мы сфотографируемся еще раз — уже втроем.

Потом поток писем стал редеть, затем и вовсе прервался на долгих полгода. Я чувствовала недоброе — гнетущее ощущение разливалось в самом воздухе вокруг меня, струилось по бурной реке, окружавшей нашу землю. Сначала я перестала есть. Однажды в поле я упала в обморок, и папа тут же кинулся захватывать мне в рот засахаренные персики. В тот день я впервые увидела, как он рыдает. А следом ушел сон. И речь. Зловещее предчувствие смерти придавило меня тяжелым грузом, стиснуло легкие, выбив из них весь воздух. Как-то раз я проснулась с ощущением, будто вовсе и не жила никогда.

Может, правы были горожане? Может, дьявол поселился на нашей ферме, а его мрачная тень не отстает от меня ни на шаг? Я написала папе записку с просьбой отвести меня в настоящую церковь — всего один раз. Вместо этого он записал меня на уроки балета.

— Если говорить не выходит, то можно танцевать. Как мы у реки. — Он провел рукой по моим шелковистым волосам цвета пшеницы. Заглянул в мои карие глаза — такие же, как у мамы. — Обещаю, доченька, он вернется домой. Бог тут ни при чем.

Точнее и не скажешь. Бог тут ни при чем. В отличие от меня.

Как-то раз мы возвращались домой с балета. Единственная танцевальная студия в нашем округе

находилась за три города от нас, поэтому каждый вторник по вечерам папа усаживал меня в свое седло и мы мчались в Кальверстон. Когда лошадь пересекла мост, ведущий к нашим землям, в небе замерцали звездочки и осветили диковинных существ, плясавших в лесу: тут были и древесные женщины, и мужчины, чьи тела состояли сплошь из веток. Я уже привыкла к тому, что замечаю в лесу всякую чертовщину, а после отъезда Томми такое стало происходить еще чаще. Когда я перестала разговаривать, папа купил мне альбом и угольки, чтобы можно было зарисовывать лесных обитателей и показывать ему, кто живет с нами бок о бок. Обычно мне попадались маленькие крылатые люди, вьющиеся меж деревьев, длинноволосые мужчины размером с кошку и древесные женщины с цветами вместо волос, но в тот вечер я увидела создание, которого никогда прежде не замечала в наших краях.

— Я отведу Скаута в конюшню, а ты пока накрой-вай стол к ужину, — сказал папа.

Я кивнула, а сама пошла к реке.

Фигура у дальнего берега была одета во все белоснежное, начиная с атласных туфельек и заканчивая пышной вуалью. Белыми были и волосы, рассыпавшиеся по плечам, и глаза без зрачков. Белизну разбавляла только зеленая военная форма, пропитавшаяся кровью, — дама стирала ее на мелководье. Она опустила куртку в воду, и тут же рядом с ней зазмеялась, будто алая ленточка, тонкая струйка.

Я остановилась на скользких камнях и уставилась на фигуру.

— А ты, должно быть, давно предчувствовала мое появление? — спросила она.

И тут я заговорила. Впервые за восемь месяцев. Это случилось вопреки моей воле — что-то в себе-

седнице так и требовало ответа, а противиться ее приказу я не могла. Каждое слово все сильнее царапало горло, а голос сухо шелестел, как осенние листья на каменистом берегу.

— Мне нельзя разговаривать с дьявольским народцем!

Ее губы тронула улыбка. Острые, точно бритва, зубы замерцали в свете звезд.

— Никакие не черти, а феи, крошка.

Я слотнула и обвела взглядом кромку леса. Знакомые создания испарились. Даже насекомые с птицами и те притихли среди деревьев.

— Как это вы сидите в воде? Папа говорит, что черти боятся железа.

— Не все, но многие. — Ее голос потрескивал, как огонь в камине, но был холоден, словно только что разрытая земля.

— Выходит, вы из их числа?

Она подняла на меня молочно-белые глаза. Я отшатнулась.

— Тебе известно мое имя, — ответила она.

Чистая правда, вот только я не хотела говорить его вслух. Я чувствовала ее присутствие уже не один месяц.

Мое сердце ухнуло вниз, на самое дно реки.

— Вы забрали моего брата?

— Вопрос еще не решен. — Она провела большим пальцем по дыре на нагрудном кармане солдатской куртки. Из нее тут же полилась кровь, будто из раны. — В конце концов, моя истинная цель — ты.

По моим рукам побежали мурашки.

— Я? Почему?

Она склонила голову набок, буравя меня взглядом пустых глаз:

— Потому что ты меня обманула.

— Мэм, ни в чем я вас не обманывала...

— Не прикидывайся, крошка. — Она выпустила военную форму из рук. Ткань стала пунцовой, пошла алыми пузырями, а в следующий миг течение унесло куртку прочь. — Он думал, что можно меня обдурить, чтобы спасти тебе жизнь, но забыл самое главное правило. В итоге я всегда получаю то, что хочу.

У меня за спиной, на крыльце, зажегся свет. Двор прорезал папин медленный свист. Его подошвы захлюпали по грязи, вскоре он скрылся в доме. Я нырнула поглубже в траву.

— Вы о моем отце?

Она отрицательно покачала головой.

— О дьяволе? — переспросила я.

Дама хищно улыбнулась:

— Так ты его называешь?

Ладони у меня похолодели и стали липкими от пота. Я пожалала плечами. Ее гортанный смех разлился в ночи.

— Когда он наконец-то тебя отыщет... когда схватит своими когтями... — Смех сменился вздохами, и собеседница поманила меня рукой. — Заключим сделку, а, Аделина? — Подол ее великолепного платья колыхался и топорицался у ног, повинуюсь течению. — Томас вернется домой, если ты взамен отдашь мне кое-что. Не сегодня и не завтра, через много лет, но это непременно случится.

Ради Томми я готова отдать все.

— А чего вы хотите?

— Твою жизнь. — Она так легко произнесла эти слова, будто они совсем ничего не значили. — Ты умрешь при родах. Погибнешь так, как и должна была.

Страх просочился мне под кожу. Казалось, до родов еще целая вечность, ведь я в свои юные годы пока не задумывалась ни о браке, ни о детях. К тому же можно ведь прожить без супружества! Лишь бы рядом были папа, Томми и их забота.

И все же стоило расспросить ее поподробнее.

— А если я откажусь?

Она вскинула руки над головой, пародируя мой любимый балет.

— *«Их удел — не возражать. Смело, без распросов в бой идти и погибать»**.

Я сразу узнала стихотворение. Как его забудешь!

У меня пропало желание есть, спать, говорить... жить. Папа и Томми — вот все, что у меня было, все, вокруг чего вертелся мой одиннадцатилетний разум. Жизни без них я не знала, поэтому для меня ее не существовало вовсе.

Я кивнула. Ледяной ветер пронесся над рекой, и Женщина в Белом исчезла. Отныне моя судьба была предрешена.

Жизнь продолжалась своим чередом. Я продолжала молчать, предпочитая изъясняться танцами или рисунками. Но зато начала есть. Вернулся и сон. Ночевала я в изножье папиной кровати, свернувшись как щенок, прижимая к себе рубашку Томми. Спалось мне бестревожно, ведь я понимала, что спасла брата.

А потом пришел ноябрь 1918 года. Мировая война закончилась. Злодеев-немцев разгромили. И Томас Колтон отправился домой.

Я ждала во дворе, наматывая круги рядом с папой. На мне была моя самая нарядная одежда. Воло-

---

* Цитата из стихотворения А. Теннисона «Атака легкой бригады».